

УКРАИНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. I

При анализе продолжения в славянских языках и.-е. **(s)ker-* 'резать' с расширителем *-d-* обычно приводятся три образования: **skorda* 'борона', **skorditi* 'бороновать', **obskьrdъ* 'вид топора' (Так Бернекер, Покорный, Фасмер). Между тем, этот список может быть значительно дополнен, главным образом за счет украинского и белорусского диалектного материала, недавно введенного в научный обиход.

Так, например, в говорах Полесья у слова *скорода́* отмечено не фиксировавшееся ранее значение 'всходы', *скорб́дит'с'а* 'всходить'¹. Здесь основа выступает в значении 'раздирать, прокалывать поверхность земли'. Ср. польск. «*zboże spod śniegu się kole*», праслав. **kьlъ* 'росток', связанное с глаголом **kolti* 'колоть', русск. диал. *рунб́* 'всходы', соотносимое с глаголом **rьvati*.

Укр. *корода́* 'сильно сучковатое дерево' (гуцул.)², возможно, является вариантом слова **skorda* 'борона', так как древнейшим видом этого сельскохозяйственного орудия было именно сильно сучковатое дерево, которым разрыхляли землю после пахоты. Образец такой бороны представлен в Музее этнографии в Ленинграде. Ср. аналогию в укр. *дранан'а* 'сучкувате дерево, на яке вішають на полі снопи'³ и *дранач́* 'деревянная борона'⁴.

Очень близкими к первоначальному значению корня 'резать' являются сербохорватские образования: *skrad* 'край, конец', *kradńji*, *skradńji*, *skradan* 'крайний' (в пространственном и временном смысле), см. еще словен. *skrâdnji*. Эти примеры из памятника XVII в. приводятся в Загребском словаре⁵. Те же лексемы и их производные широко представлены в топонимии Хорватии и Словении⁶.

¹ Л. Т. Выгонная. Полесская земледельческая терминология. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 124.

² Гринченко II, стр. 286.

³ Г. Г. Немченко. Особливості говірки с. Широкий Луг Тячівського району. (Дипломна робота). Ужгород, 1954, стр. 138.

⁴ Выгонная. Указ. соч., стр. 100.

⁵ RJA XV, стр. 307—308.

⁶ F. V e z l a j. Slovenska vodna imena. II. Ljubljana, 1961, стр. 187.

В лужицких языках эта основа в той же огласовке отражена в названиях жабы: в.-луж. *krodawa*, н.-луж. *škrodawa*⁷. Это наименование включается в обширный ряд славянских названий жабы, образованных от и.-е. **sker-*, но с другими расширителями: укр. *короставка* 'жаба', *короба*, *коропавка*, *шкарапан'а* 'жаба', словен. *krápravica* то же. Семантическая модель: 'резать, драть' → 'неровный, шероховатый' → 'жаба, как животное с шероховатой, бородавчатой кожей'.

На территории Украины и Белоруссии распространены образования **kordъkъjъ*, **kordъlivъjъ* 'больной, слабый', **korditi se* 'болеть', 'ныть', 'артачиться, ерепениться'. Ср. укр. *кородітисся*, *-джуся* 'жаловаться на боль', 'недомогать', 'артачиться', *кородкий* 'больной, хилый, слабый', *кородливий* 'чувствительный к боли'⁸; блр. *карадзіцьца* 'корчиться, ежиться, боясь боли', 'представляться бедным, скаредничать', *карадлівый* 'боящийся всякой неприятности'⁹. Глагол **korditi se* структурно моложе имени **kordъkъjъ* (подобные отношения в паре **kortiti*—**kortъkъjъ*). С точки зрения семантики ближайшей аналогией этому глаголу служит русск. диал. *скомить*, *скомлять* 'иметь боль в какой-либо части тела', 'жаловаться на мнимую бедность, и тому подобное, не возбуждая сострадания', 'ныть, жаловаться на судьбу'¹⁰. Ср. такие параллели: «Цей віл *кородкий* на ноги: як горяна дорога, — верстов 20 пройшов, — уже й кульгає. . .» (дон.) и «Лошадь *скомит* што-то на задню ногу» (олон.).

Значения, связанные с описанием физиологического и психического состояния, как правило, вторичны. Индоевропейские корни с конкретным значением 'резать, бить, колоть' образуют эти производные значения двумя путями. С одной стороны, 'бить, колоть, резать' → 'раненый, увечный, искалеченный' и потому 'слабый, больной', с другой стороны, от значения 'резать' образуются производные, обозначающие бедность, нужду, недостаток в чем-либо, в том числе и в здоровье. Ср. многочисленные образования для обозначения физических недостатков, связанные с праслав. **kъrnati* 'резать', семантическая аналогия в укр. *ульмок* 'слабый, бессильный'¹¹, русск. диал. *скудать* *здоровьем*¹².

Производные от и.-е. **sker-d-* указывают на следующие значения: др.-исл. *skorta* 'недоставать, нехватать', *skort*, *skortr* 'недостаток, нужда'; наиболее близки по значению к славянским балтий-

⁷ М у к а I, стр. 647.

⁸ Українсько-російський словник II, стр. 379; Г р и н ч е н к о II, стр. 286; В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів, вип. 1. Харків, 1960, стр. 50.

⁹ Н о с о в и ч, стр. 229, Б а й к о ў—Н е к р а ш э в и ч, стр. 142.

¹⁰ Опыт, стр. 205; М е л ь н и ч е н к о, стр. 185.

¹¹ Г р и н ч е н к о IV, стр. 335.

¹² Опыт, стр. 206.

ские примеры: лит. *skuřsti* 'терпеть нужду', 'хиреть, чахнуть', *skurdùs* 'болезненный'¹³.

Польск. диал. *kródniec* 'заплетаться (о языке)', 'укорачиваться (о дне)' может быть как фонетическим вариантом к *krótniec* (так считает Славский)¹⁴, так и производным, восходящим к и.-е. *(s)ker-d-, ср. англ. *short*, др.-англ. *sceort* 'короткий'.

Ступень корня *sker-d- > слав. *ščerd- отражена в русских диалектных образованиях. Это слово *щерéда*, отмеченное в трех значениях: 'репейник или собственно цепкие головки его; околоцветники лапушника, известные под именем репья, собак' (яросл.)¹⁵, 'мелочь, лапша' (вят.)¹⁶, 'угрюмый, вздорный, упрямый, ни с кем не уживающийся человек' (влад.)¹⁷. Первое и третье значения естественно продолжают значение 'резать, драть' → 'то, что задирается, зацепляется (о растении)', 'кто придирается, вздорный (о человеке)'. Во втором случае значение передано не совсем четко: 'мелочь, мелкие предметы' → 'лапша, как мелко нарезанное тесто' или же 'резать' → 'нарезанное (лапша)' → 'мелочь'.

Нулевая ступень корня, наряду с *obskъrdъ, отражена в таких формах, как русск. *вы́скорд*, *вы́скирд*, *вы́скордь* 'вывороченное с корнем дерево' (волог., новг., арх.)¹⁸, производное от незасвидетельствованного глагола **skъrdnъti, **vyskъrdnъti 'вырвать, выдрать'¹⁹. (Здесь не исключено влияние синонимичных форм: *вы́скорь*, *вы́скидь*). Ср. еще олонеецкое *закардэя* 'неряха'²⁰, которое Фасмер считает неясным²¹. Это отглагольное образование с типичным для северновеликорусских говоров суффиксом деятеля -éя от незафиксированной формы глагола. Предполагаемая семантическая модель: 'драть, резать' → 'драный, рваный' → 'неряха' (анalogии см. ниже).

Ступень корня *skred- в славянских языках в основе инфинитива естественно совпала с другими производными от этого корня: *skred-ti*, *skret-ti*, *skreb-ti* дало *skresti. Поэтому характер конечного согласного основы может быть определен только по основе настоящего времени и в отглагольных именах. См. *оскрéдок* 'осколок, остаток чего-л.' (ряз.)²²; *вы́скредь* ж. 'вывороченное с корнем дерево' (волог., олон.), 'осыпь на берегу, с которой сорвались

¹³ Роккопну, стр. 941; Fraenkel, стр. 803.

¹⁴ Sławski III, 2, стр. 152.

¹⁵ Мельниченко, стр. 221.

¹⁶ Д. К. Зеленин. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губ. — Ж. Ст., год одиннадцатый, вып. I. СПб., 1901, стр. 95.

¹⁷ Опыт, стр. 270; Фасмер IV, стр. 405.

¹⁸ Даль³ I, стб. 767; Филин, вып. 6, стр. 21.

¹⁹ Фасмер I, стр. 370—371.

²⁰ Куликовский, стр. 26.

²¹ Фасмер II, стр. 75.

²² Деулинский словарь, стр. 373.

деревья' (волог.)²³. Возможно, сюда же *оxредь* об. сиб. (*оxрять* перм.) 'неопрятный человек'²⁴ и блр. *шкpэд* 'малы'²⁵.

С назализацией эта ступень корня отражена в слав. **xřęditi*, **xřędęti*, **xřędęti* 'болеть, чахнуть'. Эти формы, представленные в старославянском, польском, чешском и русском языках, уже Бернекером возводились к и.-е. **skrend-*²⁶.

И.-е. **skre-i-d-* нашло свое отражение в русск. *шкpитка* 'угловатый черепок' (твер. осташ.)²⁷, возможно, из **skridъka*, блр. могил. *шкpида* 'неахайны чалавек'²⁸, наряду с *xpида* 'с раскрытой грудью, не застегнутый на пуговицы' (брян.)²⁹, *xpида* 'человек грязный, мокрый' (орл., кур., калуж.)³⁰ (ср. *закардęя* 'неряха'). Число примеров, где славянское *x* соответствует *sk* в других индоевропейских языках, достаточно велико³¹, но случаи наличия в славянском и *x* и *sk* в рамках одной и той же лексемы или близко родственных форм, заслуживают серьезного внимания. По-видимому, недостаточна здесь ссылка на экспрессивность. Действительно, в наименованиях болезней, физических и нравственных недостатков, присутствует оттенок экспрессивности (ср. *оxредь*, *xpида* 'неряха', *xpядеть* 'болеть'), но наряду с ними мы видим формы с тем же значением, где нет изменения *sk* > *x*, см. приведенные выше *кородитися*, *закардęя*, *шкpида*. Мало того, в целом ряде случаев *x* присутствует в словах, где мы не в праве говорить об экспрессивности, ср. с.-хорв. *hrid* 'скала'³². Вероятнее всего, здесь речь может идти о фонетическом процессе, прошедшем не во всех позициях или достаточно непоследовательно.

Индоевропейский корень **meig-* выступает в двух основных значениях 'мерцать, мигать' и 'становиться темным'³³. Слова, относящиеся ко второму значению, характеризуют как состояние погоды, так и состояние человека. В обобщенной форме эти значения могут быть сформулированы следующим образом: 'становиться пасмурной (о погоде)': 'туман', 'мелкий, морозящий дождь',

²³ Филин, вып. 6, стр. 22.

²⁴ Даль³ II, стб. 2011.

²⁵ Г. К. Бялькевич. Краёвы слоўнік усходняй Магілеўшчыны. Мінск, 1970, стр. 498.

²⁶ Вегнер I, стр. 401; Фасмер IV, стр. 280.

²⁷ Опыт, стр. 266.

²⁸ Бялькевич. Указ. соч., стр. 498.

²⁹ П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров западной Брянщины. Минск, 1973, стр. 279.

³⁰ Даль³ IV, стб. 1233. — Несколько иначе об этих формах см.: В. А. Меркулова. Народные названия болезней II. «Этимология. 1970». М., 1972, стр. 194.

³¹ В. М. Иллitch-Свитыч. Один из источников начального *x* в праславянском. — ВЯ, 1961, № 4, стр. 93—98.

³² К и.-е. **sker-* относит это слово Бернекер, иначе Скок (см. Skok I, стр. 687).

³³ Роккопу, стр. 712.

‘облако, туча’ и ‘находиться в состоянии затемненного сознания (о человеке)’: ‘дремота, забытье’, ‘сон’, ‘обморок’. Эту семантическую связь на материале индоевропейских языков показал Бенвенист. Он приводит ирл. *néall* ‘облако’ и ‘обморок’, лит. *blandà* ‘туманная погода’ и ‘сон’, авест. *snaoda* — ‘облако’ и соответствующее ему лит. *snáudžiu* ‘сплю’³⁴. К. Полянский находит аналогии в немецких диалектах: силезск. -голлшт. *drisseln* ‘моросить (о дожде)’ и ‘дремать’, мекленб. *drusen* ‘дремать’, *drusig* ‘пасмурный (о погоде)’³⁵. Ср. еще русск. *мóрок* ‘туча’ (арх.), *мóрок, морока* ‘туман’ (яросл., печор., олон.), *пáморочный* ‘пасмурный (о погоде)’, укр. *мерча* ‘мелкий частый дождь, мжа’, блр. диал. *мырчати* ‘моросить (о дожде)’ и русск. *обморок, пóморочь* ‘потеря сознания’, укр. *пáморок* ‘непритомність’³⁶; *хмара* ‘облачность, предгрозовое состояние’ и ‘сонливость, бессилие’ (прибалт.)³⁷.

Индоевропейский корень **meig-* широко представлен в славянских языках. Это праслав. **migati*, **mbgnoti* ‘быстро двигаться’, ‘двигать веками’, ‘мелькать’, ‘сверкать’, **migъ* ‘мгновение’, ‘короткое движение’, **migčtěti* ‘сверкать, мерцать’, **mbžiti/mižiti* ‘щуриться’, ‘дремать’, ‘моросить’, **mbga* ‘изморось, туман’, **mbža* ‘дремота, забытье’, ‘туман’, **mbgla* ‘малопрозрачный воздух’ (я не привожу здесь многочисленных производных).

Степень корня *-oi-* отражена лишь в старославянской итеративной форме глагола *сзмѣжиги* (очи) и в с.-хорв. вторичных формах *смежураватисе, намежураватисе* ‘морщиться’ (< ‘хмуриться’) ³⁸. С некоторыми оговорками эта степень может быть реконструирована в названии ядовитых растений (*Cicuta, Conium*) **obmǣgъ*³⁹; в этом случае значение должно быть аналогично значению слова **obmorkъ*.

В то же время в говорах украинского Полесья записано слово *памѣг* м. ‘туча’⁴⁰. В этих говорах звук *ѣ* передает этимологическое *ě*. Ср. *невѣзна, прѣсны, посѣм* соответственно < **nevěsta, *prěsnъjъ, *posvětъ*; поэтому мы вправе реконструировать слово как **ratǣgъ*. С другим ударением это слово отмечено у Гринченко *пáмеги, -гів* мн. ‘облака’⁴¹. Помета указывает на говоры б. Волын

³⁴ E. Benveniste. — BSL, 38, Paris, 1937, стр. 281.

³⁵ Polański, вып. 3, стр. 364—365.

³⁶ Подвысоцкий, стр. 105; Мельниченко, стр. 113; Картотека Печорского областного словаря; Куликовский, стр. 56; Опыт, стр. 152; Даль³ III, стб. 709; Р. Д. Климчук. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 47; Даль³ III, стб. 709; П. П. Чучка. Українські говірки околиці Ужгорода. (Канд. дисс.). Ужгород, 1958, стр. 331.

³⁷ Говоры Прибалтики, стр. 336.

³⁸ И. П. Петлева. Праславянский слой лексики сербохорватского языка, II. «Этимология. 1971». М., 1973, стр. 31.

³⁹ Так, во всяком случае, Фасмер (III, стр. 138), иначе Махек (стр. 338).

⁴⁰ Н. В. Никончук. Из лексики полесского села Листвин. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 87.

⁴¹ Гринченко III, стр. 90. — Возможно, что не совсем точная запись отражает то же слово в укр. жито. *пáма* ‘чорна не дощова хмара’

ской губ. Заударное *e*, по-видимому, говорит о местном рефлексе этимологического *ě*.

Перед нами очень архаичное образование со старым именным префиксом *pa-* (ср. аналогии *морок* — *пáморок*). Соответствий этой лексеме в других славянских языках нет. В то же время формальные и семантические соответствия обнаруживаются в германских, армянском и индо-иранских языках. Если в германских эта основа выступает в значении 'туман' (англ. *mist* < **mihsta*), то в индо-иранских она выступает с тем же самым значением 'облако, туча': др.-инд. *meghá-* 'облако', авест. *maēya-* 'облако', перс. *mēγ* 'облако, туча', 'туман', осет. *mīg/meğæ* 'облако, туча', 'туман'⁴².

Фраза, записанная в Полесье: «Баште, памѣг нат'агло на небо», перекликается с текстами Ригведы и Авесты: «*āat maēya us-fra-vānti huṃāiryā āpō barəntiš yāhva... pərəθu aipi viyasāitiš avō urvai-tiš* (Yt. 8,40) («dann steigen die Wolken auf, die die... Wasser enthalten (die Wolken) in denen..., die sich... verbreiten»)»⁴³.

(А. С. Лысенко. Словарь диалектной лексики северной Житомирщины. «Славянская лексикография и лексикология». М., 1966, стр. 40.

⁴² Маургофер, стр. 680—681; Абаев II, стр. 117; Рокорну, стр. 712; Фасмер II, стр. 587.

⁴³ Бартоломае, стр. 1104—1105.